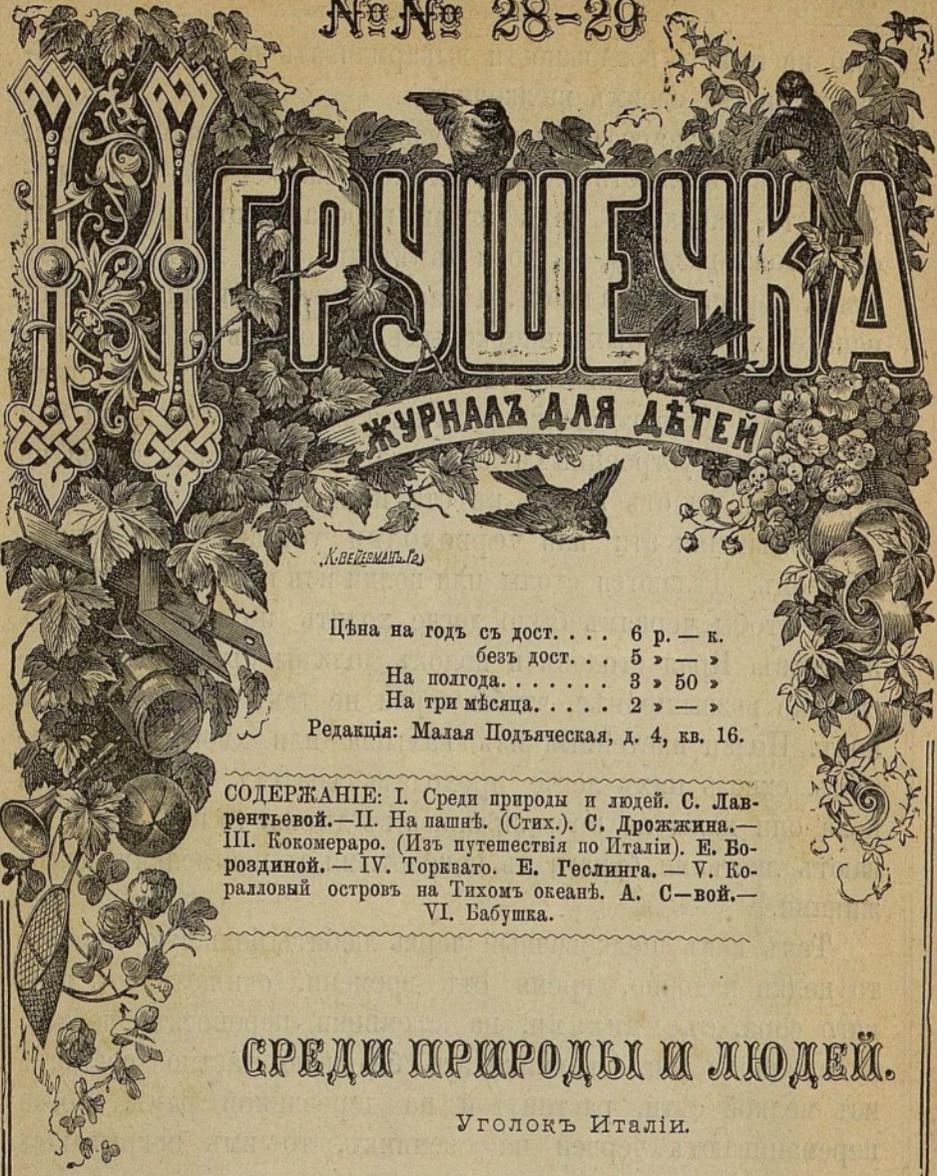

№№ 28-29

ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

К. ВЕЙДЕМАЙЕРЪ

Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.
 безъ дост. 5 » — »
 На полгода 3 » 50 »
 На три мѣсяца 2 » — »

Редакція: Малая Подъяческая, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Среди природы и людей. С. Лаврентевой. — II. На пашнѣ. (Стих.) С. Дрожжина. — III. Кокомераро. (Изъ путешествія по Итали). Е. Бороздиной. — IV. Торквато. Е. Геслинга. — V. Коралловый островъ на Тихомъ океанѣ. А. С-вой. — VI. Бабушка.

СРЕДИ ПРИРОДЫ И ЛЮДЕЙ.

Уголокъ Итали.

IV.

ИТАЛИЯ одна изъ странъ, гдѣ въ настоящее время шелководство процвѣтаетъ. Вся сѣверная Итали представляетъ собою почти непрерывный садъ изъ шелковичныхъ деревьевъ. Тутъ всѣ, не исключая дѣтей и стариковъ, бѣдныхъ и богатыхъ, занимаются шелководствомъ.

Кто не имѣетъ возможности выкармливать червей, тотъ про-
дастъ листья своихъ шелковиць.

Въ чемъ же состоитъ это воспитаніе червей среди людей?

Узнавъ важность работы шелковичнаго червя и его по-
лезность, наблюдая надъ этими работами въ природѣ, на
открытомъ воздухѣ, -- люди замѣтили, что множество изъ
этихъ червей пропадаютъ, дѣлаясь жертвою птицъ или отъ
нападенія особенныхъ насѣкомыхъ, похожихъ на мухъ, на-
зываемыхъ наѣзdnиками. Чтобы избѣгнуть этого зла, стали
разводить тутоваго шелкопряда въ жилыхъ помѣщеніяхъ или
въ особенно устроенныхъ для того зданіяхъ, гдѣ черви не
страдаютъ ни отъ птицъ, ни отъ наѣзdnиковъ.

Помѣщенія эти или червоводки устраиваются такимъ
образомъ. Дѣлаются столы или полки изъ неструганныхъ до-
сокъ, чтобы червямъ было легче ходить по нимъ, или изъ
прутьевъ. Края столовъ и полокъ должны быть всегда нѣ-
сколько возвышеннѣе, чтобы черви не такъ легко падали на
поль. Полки плетенныя изъ камыша или хвороста лучше
тѣмъ, сквозь нихъ легче проходить воздухъ, чтобы черви
пока они малы не проваливались въ дырья, то полки покры-
ваютъ листьями бумаги съ наколотыми въ ней мелкими сква-
жинами.

Такъ какъ шелковичный червь любитъ большую чистоту,
то полки надобно, время отъ времени, очищать отъ вся-
каго сора, сѣмниками, на сѣмники переносятъ червей,
на время чистки. Сѣмники эти, большею частію, состоятъ
изъ мелкой сѣти, растянутой на деревянной рамѣ. Когда
переманиваютъ червей на сѣмникъ, то имъ покрываютъ
полки, а сверху сѣтки кладутъ свѣжіе листья шелковицы.
Черви сейчасъ же переползаютъ сквозь дырья сѣмника на
свѣжую листву.

Для завивки коконовъ употребляются коконники, они со-
стоятъ изъ сухихъ вѣтокъ и разставляются по кормовымъ
столамъ и полкамъ, когда черви ползутъ кверху, начиная
искать удобнаго мѣста для свивки коконовъ. Эти коконники

приготавливаются изъ какого бы то ни было растенія, только бы вѣтки были безъ запаха и не усажены колючками. Черви не любятъ ни того, ни другаго.

На тридцатый день жизни, червь становится полупрозрачнымъ и старается вползти повыше. Завивъ коконъ, что продолжается около трехъ сутокъ, онъ превращается въ куколку, а затѣмъ въ бабочку. Время выхода бабочки изъ кокона подлежитъ особеннымъ заботамъ тѣхъ, на комъ лежитъ уходъ за шелковичными червями. Такъ какъ бабочка, выходя изъ кокона, разрываетъ его, и этимъ портитъ непрерывную шелковую нить, то, отобравъ какое хотятъ число коконовъ для вывода бабочекъ, которыя потомъ положить яички, — остальные коконы подвергають дѣйствию жара, чтобы умерить находящіяся въ нихъ куколки. Всего чаще это дѣлается дѣйствиемъ пара; устраивается паровикъ въ видѣ ящика съ просверленными въ немъ дырками, въ паровикъ вдвигаются сѣтки съ разложенными на нихъ коконами. Паровикъ этотъ ставится на котелъ, въ котлѣ кипитъ вода, и паръ изъ котла, проходя сквозь дырѣя паровика, замариваетъ куколокъ въ ихъ коконахъ. Иногда замариваютъ коконы въ печи, куда онѣ ставятся тотчасъ по вынутіи изъ печи хлѣба, въ большихъ покрытыхъ бумагою корзинахъ. Паровой способъ лучше печнаго.

Задушенные коконы сушатся, бѣлые на солнцѣ, а другіе на сквозномъ вѣтру, до тѣхъ поръ, пока не будутъ при трясеніи издавать громкаго звука. Самыми лучшими коконами считаютъ съ перехватомъ по срединѣ. Затѣмъ приступаютъ къ разработкѣ шелка.

Войдемте на самую фабрику. Миновавъ дворъ, на которомъ стояли огромные котлы подъ паровиками, вы входите въ самое помѣщеніе. Духота и смрадь стоятъ въ этой длинной, непривѣтливой комнатѣ, съ двумя рядами работницъ, между которыми мѣрно двигается строгая надсмотрщица, наблюдая за непрерывной работой этихъ молодыхъ и пожилыхъ женщинъ, согнувшихся надъ чашками съ кипяткомъ.

Сильное утомленіе* рисуется на ихъ блѣдныхъ, исхудалыхъ лицахъ; какъ-то безсильно онѣ сгорбились, не разгибаясь въ продолженіи четырнадцати часовъ въ сутки. Худые пальцы побѣлѣли и сморщились отъ горячей воды, въ которую онѣ безпрестанно опускаютъ ихъ. Удушливо-смердный паръ поднимается изъ чашекъ или ваннъ, бьетъ имъ въ лицо, а усталые глаза съ напряженіемъ слѣдятъ за концемъ тонкой, какъ волосъ, шелковинки, спѣша пропустить ее въ отверстіе маленькой машинки, возвышающейся надъ чаномъ, отъ которой концы идутъ дальше вверхъ, гдѣ соединяются съ большими мотательными машинами.

Фабричная работа размотки шелка состоитъ, во-первыхъ, въ раствореніи клея, которымъ соединены нити въ коконѣ, это производится запаркой коконовъ въ водѣ, гдѣ они кипятятся. Затѣмъ подыскиваютъ концы распаренныхъ шелковинъ. Для этого метелкой изъ прутьевъ водятъ по плавающимъ коконамъ до тѣхъ поръ, пока прутья зацѣпятъ за концы нитей. Подысканные концы шелковинъ посредствомъ машины сучатся въ одну нить, нить прикрѣпляется къ мотовилу станка. Мотовило это приводится въ движеніе ногою; разматываемые коконы опускаются въ ванну съ кипящею водою, придѣланную къ станку и постоянно подпрыгиваютъ въ водѣ во время размотки. Вотъ тутъ-то необходимо напряженное вниманіе. Если во время размотки порвется одна изъ шелковинъ, надобно тотчасъ же подкинуть въ ванну новый коконъ и захлеснуть въ нить его шелковину. Дурно разматываемые коконы должно замѣнять другими. Надобно во время подбросить въ ванну новые коконы и выбрасывать изъ нея обнажившіяся заморенныя куколки, чтобы онѣ не мѣшали. Размотка шелка дѣло далеко не легкое и требуетъ большой сноровки, не говоря о физическомъ трудѣ! А какъ легко смотрятъ на наши шелковые ленточки и платочки, не думая о томъ, сколько труда стоила одна размотка шелка для этихъ вещей, какъ тяжело доставалась эта работа бѣднымъ труженицамъ!

Смотанный на мотовилѣ шелкъ просушивается на воздухѣ и въ моткахъ поступаетъ въ торговлю подъ именемъ шелка-сырца. Шелкъ-сырецъ разматывается и сучится въ нити разной толщины, красится въ разные цвѣта и идетъ на фабрики, гдѣ изъ него выдѣлываютъ различныя шелковыя матеріи. Остатки отъ размотанныхъ коконовъ, обрывки нитей и пухъ, пристающій къ метелкѣ во время подыскиванья концовъ, откладывается и собирается вмѣстѣ съ хлопкомъ или такъ называемой шелковой ватой, которую снимаютъ, будто паутинку, съ незаморенныхъ еще коконовъ. Все это промываютъ, сушатъ и расчесываютъ на желѣзныхъ гребняхъ, какъ ленъ, и идетъ на матеріи въ смѣси съ шерстью и бумагой, на выдѣлку швейнаго шелка, нитокъ для перчатокъ, на кушаки, вожжи, подируги и прочія подѣлки.

V.

Наканунѣ 4 сентября (новаго стilia) въ Пельи было большое оживленіе. Это былъ канунъ праздника св. Розаліи, чтимой по всей Италіи.

— Вы не знаете ничего о жизни св. Розаліи? спросила меня хозяйка нашего отеля, широко раскрывая свои черные, какъ уголь, глаза: о, Santa Maria! *) Это очень очень интересная исторія!

И она принялась мнѣ рассказывать легенду о св. Розаліи.

Св. Розалія была внучкой короля Сициліи Рожера. Она родилась въ 1130 году. Съ дѣтства чудный ребенокъ не увлекался ничѣмъ, что тѣшитъ другихъ дѣтей, всего болѣе убѣгала она блеска окружавшаго ее двора, его праздниковъ и дорогихъ нарядовъ. Напрасно приближенные старались втянуть ее въ придворную жизнь, привязаться къ развлечениямъ, дѣвочка пряталась подальше и тамъ, въ тишинѣ, молилась и предавалась серьезнымъ не дѣтскимъ размышле-

*) Святая Марія.

ніямъ. Наконецъ, двѣнадцати лѣтъ, видя, что ей нельзя идти наперекоръ тому обществу, въ которомъ она жила, и не имѣя силъ совладать съ собою, Розалія бѣжала изъ дворца и поселилась въ пещерѣ горы Куискуино, въ шестидесяти верстахъ отъ Палермо. Нѣсколько лѣтъ провела она тамъ, въ постѣ и молитвѣ, пока ангелъ не перенесъ ее на гору Пеллегрينو (monte Pellegrino), гдѣ она послѣ нѣсколькихъ лѣтъ строгой молитвенной жизни и умерла въ 1166 году.

Вѣсть о подвижничествѣ Розаліи разнеслась по Италіи еще при ея жизни и къ ней стали являться съ почестями и поклоненіями, прося ея благословенія. Розалія тяготилась этими почестями и молясь за всѣхъ въ тишинѣ своей пещеры, старалась удаляться отъ приходившихъ къ ней людей, такъ что по смерти ея даже не сохранилось слѣдовъ ея могилы. Но вотъ, въ 1624 году въ Сициліи появилась сильная моровая язва. Тогда Розалія явилась во снѣ одной больной и велѣла ей идти въ пещеру на Monte Pellegrino. Проснувшись, больная почувствовала полнѣйшее исцѣленіе и отправившись въ указанную пещеру, помолилась тамъ и отъ усталости заснула. Во снѣ ей опять явилась Розалія и указала мѣсто, гдѣ зарыто ея тѣло. Вставъ отъ сна, она вернулась въ городъ, рассказала о томъ архіепископу и затѣмъ всѣ толпами повалили къ могилѣ св. Розаліи. Язва мало по малу стала утихать. Вскорѣ между духовными возникли споры и сомнѣнія о вѣрности открытія, и болѣзнь снова усилилась. Въ слѣдующемъ 1625 году нѣкто Виченцо Бонелли, бывъ на охотѣ въ горахъ, встрѣтилъ прекрасную, молодую дѣвушку, которая сказала ему:

— Не бойся; пойдемъ со мною, я покажу тебѣ мой гротъ.

— Кто ты? спросилъ Бонелли.

— Я—Розалія. Ты избранъ Богомъ для того, чтобы возвѣстить народу, что болѣзнь уничтожающая его прекратится тогда, когда гробница съ моими останками будетъ взята отсюда и, въ торжественной процессіи, пронесена по городу.

Самъ же ты будешь послѣдней жертвой болѣзни и умрешь черезъ четыре дня.

Вернувшись въ городъ, Бонелли тотчасъ же заболѣлъ, призвавъ къ себѣ духовника, онъ разсказалъ ему все какъ было, и черезъ четыре дня умеръ. Тогда всѣ жители Палермо длинной процессіей отправились въ пещеру св. Розалии на Monte Pellegrino, и вернулись въ городъ съ ея гробницей, которую обнесли кругомъ города; болѣзнь прекратилась.

День св. Розалии празднуется въ Палермо въ продолженіи пяти дней, на него съѣзжаются толпы народа изъ окрестныхъ мѣстъ. Онъ празднуется и по всей Италіи, начинаясь наканунѣ и въ самый день послѣ торжественной обѣдни, въ концѣ которой дается награда лучшей по прилежанію и нравственности молодой дѣвушкѣ прихода, происходитъ торжественная процессія, а затѣмъ разныя увеселенія.

Вечеръ этого кануна былъ прелестный, хотя нѣсколько вѣтренный. Взошла луна и разсыпала золото по зеленоватымъ волнамъ Средиземнаго моря. Вдоль набережной вспыхнули фонари. Кое-гдѣ и на стѣнахъ и надъ дверьми домовъ появились гирлянды пестрыхъ трехъ-цвѣтныхъ *) фонариковъ окружавшихъ, вмѣстѣ съ вѣтками и гирляндами зелени, образа св. Розалии или Мадонны. Народъ толпился вдоль всей улицы, разгоняемый только звономъ приближавшагося трамвая. Вездѣ говоръ, смѣхъ, иногда ревъ ребятишекъ. Вотъ на выдающихся въ море скалистыхъ мыскахъ вспыхнули огромные костры, отъ нихъ побѣжалъ ярко-красный свѣтъ по игривымъ струямъ моря. Вотъ, на углу, передъ образомъ Мадонны, оркестръ странствующихъ музыкантовъ грянулъ какой-то торжественный маршъ. Народъ окружилъ его сплошной стѣной и двинулся за нимъ, когда онъ, отыгравъ, направился къ слѣдующему углу и тамъ опять грянулъ тоже самое. Нѣсколько босоногихъ дѣвочекъ, ловко схватившись,

*) Изъ трехъ цвѣтовъ: бѣлаго, краснаго и зеленаго, составляющіе цвѣта итальянскаго флага.

пошли отплясывать польку по прибрежнымъ галькамъ. Наша хозяйка принялась тщательно обставлять балконы маленькими плоскими, на подобіе древнихъ свѣтильниковъ, для завтрашней иллюминаціи; а вѣтеръ все крѣпчалъ, все сильнѣе размахивая пестрыми фонариками; все громче шумѣло море, съ пѣной набѣгая на камни, все взбудораженное и ярко облитое луннымъ свѣтомъ.

Утро встало сѣрое, непривѣтливое. Народъ валилъ въ главную церковь городка, что стояла наверху, у виллы Палавичини. Пошла и я туда. Еще не доходя до площадки, на которой возвышается церковь, я увидѣла рядъ подвижныхъ лавочекъ, съ мелкимъ товаромъ, какъ напр. разныя сладости, игрушки, бумажные вѣера и какіе-то смѣшные маленькіе флаги изъ трехъ-цвѣтной бумаги. На площадкѣ передъ церковью кишить народъ, прогуливаясь, сидя на широкой каменной балюстрадѣ, болтая, хохоча, крича во все горло, не стѣсняясь близостью растворенныхъ дверей церкви и не мысля о молитвѣ.

Я вошла въ церковь, т. е. остановилась въ отворенныхъ дверяхъ, такъ какъ церковь была полна народа. Внутренность ея представляла нарядный, торжественный видъ; вся она была обтянута малиновымъ штофомъ, съ колоннами украшенными ярко-блестѣвшими позументами, съ блестящими балдахинами надъ алтаремъ, заставленномъ цвѣтами, съ массой огня въ огромныхъ золоченныхъ люстрахъ и канделябрахъ.

Обѣдня только что началась. Стройный оркестръ, помѣщенный на хорахъ, грянулъ какую-то торжественную увертюру, за ней началось пѣніе, чередуясь съ оркестромъ, что продолжалось все время торжественной обѣдни (*Messa Solemnis*). Оркестръ игралъ стройно; голоса пѣвшихъ были большей частію хороши и пѣли съ чувствомъ и выраженіемъ. Цѣлыми облаками поднимался въ вышину купола еиміамъ, лившійся тонкими струйками изъ золоченыхъ кадильницъ. Прелестная Мадонна кротко улыбалась съ по-

лотна, нѣжно поддерживая Превѣчнаго Младенца; одна часть народа набожно преклоняла колѣна на мраморный полъ разукрашенной церкви; другая часть весело болтала на площадкѣ подъ открытомъ небомъ, зеленая вѣтвь винограда стремилась заглянуть въ одно изъ оконъ церкви, выходившей въ тѣнистый садъ, а тамъ, дальше широко разстилаясь, неслышно волновалось море и сливалось съ потемнѣвшимъ горизонтомъ...

Тучи стали сгущаться. Накрапывалъ дождь. Процессія св. Розаліи разстроилась, отлагаясь до слѣдующаго болѣе яснаго праздничнаго дня. Всѣ стали по немногу разходиться по домамъ.

Вечеромъ разразился сильный дождь, окончательно разстроившій праздникъ и предполагавшуюся иллюминацію. Ночью разыгралась гроза. Вѣтеръ и волны ревели, блистала ослѣпительная молнія и шумѣлъ проливной дождь. Утро встало мрачное, дождливое. Море мутно-желтое грозно набѣгало на берегъ сѣдой волною. Кругомъ все сѣро, непривѣтливо. Дальнія окрестности затянулись сѣрой дымкой. Отпраздновавъ свой праздникъ, народъ снова принялся за свои будничныя занятія. Мимо отеля, по грязной дорогѣ тянутся возы съ какой-то кладью, тщательно прикрытою непромокаемой тканью. На лошадяхъ и лошакахъ попоны, въ видѣ пледовъ, съ бахрамой, а на головахъ клеенчатые капоры съ прорѣзами для ушей. Это мнѣ напомнило соломенные круглыя шляпы, которыя я видѣла на лошадяхъ въ Ниццѣ; эти шляпы, отдѣланныя часто разноцвѣтными тесемками, предохраняютъ темя и затылокъ лошади отъ солнечнаго удара. Онѣ тоже дѣлаются съ прорѣзами для ушей.

Люди, сопровождавшіе своихъ, прикрытыхъ отъ дождя, лошадокъ, были драпированы пледами или плащами и у каждаго большой дождевой зонтикъ. Трамваи ходятъ закрытые.

Море все яростнѣй набѣгаетъ на берегъ. Старый Амброджіо, надѣвшій поверхъ синей рубахи темную суконную куртку, съ помощью своего зятя, упершись сильными плечами въ бока

лодки, перетащилъ ее по бревнамъ подальше на берегъ. Мутно мелькають сквозь дымку тумана очертанія горъ и зданій; мутно вздымается и бьетъ бѣлоснѣжной пѣной по темнымъ галькамъ разгулявшійся валь. Вѣтеръ завываетъ, какъ голодный шакаль. Тускло дымится на берегу низкій костеръ, глухо потрескивая по коробящейся доскѣ, приготовленной для обкладки строящейся барки. Глухо похлопываетъ длинный бичъ по грязной дорогѣ, велѣдъ за понудительнымъ: шю, шю! Только осликъ да лошакъ кричатъ себѣ благимъ матомъ, да звонко постукиваетъ топоръ корабельщика по бокамъ новой барки.

Къ вечеру погода разгулялась, вечеръ наступилъ теплый, тихій, ароматный. Мы пошли вдоль набережной, къ монастырю св. Антонію. Надобно было пройти вдоль успокоеннаго моря, взобраться по извилистой тропинкѣ наверхъ, оттуда, отъ церкви открывается живописный видъ на море и окрестныя горы. Въ отворенную дверь глянулъ на насъ сумракъ церкви, слабо озаренной нѣсколькими лампадами. Съ колокольни раздался благовѣстъ къ Ave Maria *). Надъ церковью высятся стѣны, черезъ нихъ глядится кудрявая зелень фруктовыхъ деревьевъ. По уступамъ скалъ лѣплятся кусты сочныхъ агавъ. Море съ равномернымъ плескомъ набѣгаетъ на прибрежныя скалы. Оранжевый шаръ луны величаво всплылъ на ясномъ небѣ, прямо надъ моремъ. Горы все болѣе и болѣе закутываются точно флеромъ. На Генуэзскомъ маякѣ вспыхнулъ огонекъ...

На другое утро мы покинули мирный уголокъ Италіи.

С. Лаврентьева.

*) Вечерняя молитва въ честь Пресвятой Богородицы.

НА ПАШНѢ.

ВЕСНА воротилася къ намъ;
Ручьи по камнямъ зазвенѣли.
Цвѣты зацвѣли по лугамъ;
И въ дупла скворцы прилетѣли.

Хлопочеть мужикъ надъ сохой
И сивку въ нее запрягаетъ,
Заботливо вмѣстѣ съ зарей
На пашню въ поля выѣзжаетъ.

Успѣшно работа идетъ,
Ложится земля бороздами,
А солнце на пахаря льетъ
Съ небесъ золотыми лучами.

Безъ умолку птички поютъ
Въ дали голубой утопая,—
Веселыми пѣснями трудъ
И горе его улаждая.

С. Дрожжинъ.

КОКОМЕРАРО. *)

(Изъ путешествія по Италіи).

РБУЗЫ! удивительные арбузы! Не угодно ли испытать небеснаго блаженства! Кто хочетъ вкусить нектара? Вотъ мои арбузы! Три копѣйки лучшій изъ нихъ! Такъ кричалъ смуглый, рослый, красивый кокомераро на площади Милана, недалеко отъ галереи Виктора Эмануила, когда я выходила изъ нея. Громкій голосъ продавца арбузовъ разносился по всей площади и около него собрались толпа мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Я подошла. На самой срединѣ площади стояла подвижная лавка продавца арбузовъ. Это были просто деревянные подмости въ нѣсколько этажей, или лучше очень большая деревянная этажерка со множествомъ полокъ, вся убранная зеленью и цвѣтами, вся перевитая гирляндами винограда съ сочными гроздьями спускавшими до самой мостовой. На полкахъ, на листьяхъ смоковницы, между ярко-красными цвѣтами олеандра, были разложены арбузы всѣхъ формъ и величинъ. Около этажерки стоялъ столъ, покрытый бѣлой скатертью, на которомъ лежалъ ножъ. Кругомъ стола были разставлены скамейки. Толпа

*) Въ верхней Италіи арбузъ называется сосомега, продавецъ арбузовъ сосомегаго.

мужчинъ и женщинъ съ ребятишками впереди окружала подвижную лавку кокомераро. Весь этотъ народъ собрался не столько для того, чтобы полакомиться сочными арбузами, сколько для того, чтобы посмѣяться надъ шутками и островами кокомераро. Въ Италіи продавцы арбузовъ извѣстны своими островами, они всѣ, вообще, отлично декламируютъ, знаютъ множество сказокъ и часто бываютъ хорошими импровизаторами. Когда я подошла, кокомераро что-то говорилъ съ необыкновенно выразительными жестами: онъ размахивалъ руками, билъ себя въ грудь, энергично клялся всѣми святыми, въ особенности своимъ патрономъ, можно было подумать, что онъ старается привлечь вниманіе своей публики на какое нибудь необычайное происшествіе, тогда какъ онъ просто разыгрывалъ драму, желая повыгоднѣе сбыть свой товаръ.

Ребятишки, кто въ одной рубашкѣ, безъ шараваръ, кто въ шараварахъ безъ рубашки, кто въ одной курткѣ; но всѣ босикомъ и только не многіе въ какихъ-то сандаляхъ на босую ногу, разинувъ рты, смотрѣли на кокомераро, а еще больше на его арбузы. Продавецъ арбузовъ раскланялся съ своею публикой и пригласилъ ее сѣсть. Публика молча усѣлась и кокомераро пустилъ входъ свои островамъ и прибаутки. Раздался хохотъ, зрители принялись болтать съ хозяиномъ. Кружокъ сдвинулся тѣснѣе, хозяинъ бросился къ этажеркѣ, схватилъ одинъ арбузъ, проворно изрѣзалъ его на куски и подаль зрителямъ. Всѣ принялись ѣсть, обглаживая сочный плодъ вплоть до корки. Кокомераро въ восторгѣ,—продажа началась успѣшно.

Итальянское солнце сильно припекало зрителей своими полуденными лучами, но на такую бездѣлицу никто не обращалъ вниманія, всѣ были заняты островами кокомераро и его сочными, ароматными арбузами, куски котораго быстро исчезали со стола и замѣнялись мелкою мѣдною монетою. Между тѣмъ кокомераро пустился въ импровизацію:

Жиль-быль, говорилъ онъ, маленькій Джіото, ему было

пятьдесятъ два года, а онъ оставался все такимъ же маленькимъ, какимъ вышелъ изъ утробы матери. Жилъ себѣ Джіото счастливо, покойно, только вдругъ получаетъ письмо изъ Чили, въ которомъ его извѣщаютъ, что тамъ умеръ его богатый родственникъ, что ему надо пріѣхать по дѣламъ наслѣдства. Долго думалъ маленькій Джіото ѣхать или нѣтъ; но второе письмо заставило его собраться въ путь. Пошли хлопоты. Въ одномъ монастырѣ заказали ему на дорогу бисквиты; въ другомъ мать Марія взялась сварить ему варенья; въ третьемъ мать Соломія принялась готовить постилу. Молодая сестра Агнеса прислала ему ладонку, а сестра Моника—два маленькихъ образка. На заводѣ заказали для него консервы изъ живности; въ аптекѣ—дорожную аптечку со всевозможными лекарствами и уксусомъ четырехъ разбойниковъ отъ морской болѣзни. На дорогу ему сшили сотню рубашекъ и нѣсколько дюжинъ лѣтняго и зимняго платья. Увѣряю васъ, почтенные синьоры и прелестныя синьориты, что экспедиція Бонапарта въ Египетъ стоила меньшихъ хлопотъ и приготовленій. Наконецъ все было готово, благодаря его прелестнымъ сестрамъ—самая младшая изъ нихъ была его крестной матерью. Джіота отправился прощаться съ знакомыми. Идетъ онъ по улицамъ города, всѣ встрѣчные спрашиваютъ его:—Какъ, вы рѣшились ѣхать?—Вы оставляете насъ?—Какой вы храбрець, не боитесь ѣхать по морю!—Джіото обнимается со всѣми, прощается малютка пятидесяти двухъ лѣтъ, плачетъ и проситъ всѣхъ не забывать его въ молитвахъ и наконецъ уѣзжаетъ. Отъѣздъ маленькаго Джіото составляетъ событіе—это эпоха, съ которой начинается лѣтосчисленіе.—Который годъ этому ребенку?—Ему, да, онъ родился въ тотъ годъ, когда крошка Джіото отправился въ Чили, былъ отвѣтъ.

Вотъ какъ путешествовали наши предки, не то что мы. Всевозможныя революціи такъ растрясали насъ, что мы сдѣлались вещами самыми удобными для переноски и перевозки и пересылки.

Толпа хохочетъ, куски арбуза исчезаютъ и кучки мѣдныхъ монетъ растутъ. Наконецъ кокомераро беретъ еще арбузъ, но вѣроятно, оцупавъ его, догадывается, что онъ плохъ и, не желая показать этого, начинаетъ вертѣть имъ надъ головою, приговаривая: вамъ очень хочется попробовать его сочнаго мяса?—Вамъ очень хочется испить его прохладительнаго сока?—Нѣтъ, мои высокопочтенные синьоры и очаровательныя синьориты, арбузъ этотъ не для васъ. Онъ пройдетъ мимо вашихъ ртовъ, его будутъ кушать люди поважнѣе васъ. Нашъ добрый король приказалъ мнѣ приберечь его для его возлюбленной королевы. Прошу извинить меня! Я только ради любопытства показалъ его вамъ! Шутка удалась, дурной арбузъ спрятанъ, зрители хохочутъ, покупаютъ новые куски арбуза и расходятся.

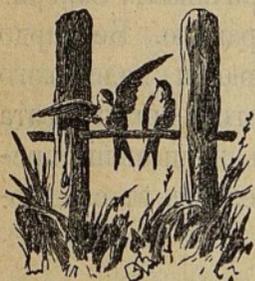
Однако же такая уловка не всегда такъ ловко и счастливо сходить съ рукъ кокомераро. Мнѣ случилось видѣть, какъ онъ однажды ошибся въ выборѣ арбуза и, вертя его въ рукахъ, говорилъ своимъ покупателямъ: — смотрите это огонь!—Сокровище моей лавки!—Сокъ его нектаръ!—Сладость!—Ароматъ!—Это пища небесная!... При этихъ словахъ кокомераро однимъ взмахомъ ножа перерѣзалъ арбузъ, но, о ужасъ! пища небесная оказалась дурнымъ недозрѣлымъ плодомъ. Въ толпѣ раздался гомерическій хохоть, всѣ вскочили съ мѣстъ и, некупивъ ни куска, разошлись.

Съ ранняго утра, почти съ восходомъ солнца кокомераро привозитъ на площадь свою подвижную лавку и весь день, вплоть до поздней ночи повторяетъ свою комедію, и только поздно вечеромъ съ пустою лавкою и мѣдными грошами въ карманѣ возвращается домой, чтобы на завтра начать ту же комедію. И такъ живетъ кокомераро изо дня въ день, прокармливая этимъ ремесломъ всю свою семью.

Е. Бороздина.

Миланъ, 1874 года.

ТОРКВАТО ТАССО.

А БЕРЕГУ Средиземнаго моря, близъ большаго, красиваго города Неаполя, триста лѣтъ тому назадъ находился незначительный городокъ Сорренто. Можно сказать, что въ то время онъ весь утопалъ въ апельсиновыхъ и лимонныхъ рощахъ, его маленькіе домики казалось были засыпаны бѣлыми, блестящими, полными чуднымъ ароматомъ, цвѣтами. По темно-голубымъ, почти всегда спокойнымъ волнамъ Неаполитанскаго залива, скользили только рыбацкіе лодки, съ которыхъ раздавались прелестные напѣвы Италіи, да плавали тяжелыя торговыя суда. Теперь Сорренто во многомъ измѣнился. Дивные ароматные сады его большею частью исчезли и замѣнились большими домами; по заливу, свистя и пыхтя, ходятъ пароходы, разсѣкая его свѣтлыя волны, и оставляя за собой брызжащую пѣну. Въ гаванѣ Сорренто толпится народъ а вмѣсто поэтическихъ напѣвовъ слышна торговая дѣловая рѣчь. Не таковъ былъ Сорренто въ 1544 году, когда въ мартѣ мѣсяцѣ, родился въ немъ величайшій поэтъ Италіи, Торквато Тассо. Отецъ его, Бернардо Тассо, былъ родомъ изъ Бергали, еще въ молодыхъ годахъ онъ покинулъ родину и поступилъ на службу къ Салернскому принцу, при дворѣ котораго занялъ какое-то мало-

важное мѣсто. Чтобы быть ближе къ своему властелину, жившему въ Салерно, отецъ Тассо поселился въ Сорренто; семья его была многочисленна и жила скудными средствами. Отецъ Тассо былъ поэтомъ средней руки, сочиненія его плохо расходились и мало покупались издателями и книгопродавцами. Изъ его поэмъ считается лучшей Ам'адисъ Галльскій, сюжетъ которой взятъ изъ временъ рыцарства. Торквато по примѣру отца съ 7-милѣтняго возраста сталъ кропать стихи; Бернардо хотя и гордился поэтическимъ талантомъ своего маленькаго сына, но вовсе не желалъ чтобы онъ сдѣлался писателемъ.

Вскорѣ, по какимъ-то политическимъ причинамъ, Салернскій принцъ долженъ былъ бѣжать во Францію. Бернардо Тассо послѣдовалъ за нимъ, взявъ съ собою и маленькаго Торквата. Это была первая горестъ будущаго великаго поэта Италіи. Нашъ русскій писатель Батюшковъ, написавшій прекрасную элегію—„Умирающій Тассо“, передаетъ въ слѣдующихъ строкахъ его тоску по родинѣ.

Сорренто! колыбель моихъ несчастныхъ дней,
Гдѣ я въ ночи, какъ трепетный Асканій, *)
Отторженъ былъ отъ матери моей,
Отъ сладостныхъ объятій и лобзаній.

Бернардо Тассо не долго оставался съ сыномъ во Франціи. Видя, что его услуги стали принцу лишними, онъ возвратился въ Италію и поселился въ Мантуѣ, куда перевезъ и свое семейство. Тамъ Торквато началъ ходить въ школу, но школьныя его занятія не отличались прилежаніемъ, также вяло онъ учился и въ Римѣ, куда отецъ его отвезъ, думая, что вдали отъ семьи Торквато будетъ не такъ развлекаться и въ немъ пробудится любовь къ знанію. Но онъ и тамъ занимался охотно только греческимъ и латинскимъ языками, которые давались ему легко, ихъ онъ изучилъ въ совершенствѣ: профессора изумлялись его быстрымъ успѣхамъ.

*) Асканій—сынъ Энея, бѣжавшаго изъ Трои послѣ ея разрушенія греками.

Семнадцати лѣтъ Торквато поступилъ въ падуанскій университетъ по филологическому факультету, и помимо университетскихъ занятій, писалъ много пѣсней. По какому-то повидимому ничтожному обстоятельству онъ не кончилъ полного курса. Однажды, возвращаясь съ курса, Тассо не пошелъ домой, а побрелъ вдоль рѣчки Пауди, протекающей недалеко отъ Падуи; берега этой рѣчки чрезвычайно живописны. Вдали на пригоркахъ виднѣлись прекрасныя виллы; лѣвый берегъ, плоскій, разстилался зеленымъ ковромъ, на которомъ цвѣтели душистые, яркіе цвѣты. По правому берегу тянулась роща; кое-гдѣ мелькали лимонныя и померанцовыя деревья, бѣлыя цвѣтки которыхъ наполняли воздухъ благоуханнымъ дыханіемъ. У самаго берега, гдѣ рѣчка образуетъ небольшой заливъ, между тремя тополями стояла хижина. Вечерѣло. Тассо прилегъ на траву и любовался пейзажемъ. Вдругъ послышалось пѣніе двухъ звучныхъ голосовъ, пѣніе сопровождалось плесками весель, и становилось все ближе и ближе. Показалась лодка, лодка плыла медленно, въ ней полулежали два рыбака и гребли казалось только для вида. Они пѣли о похищеніяхъ какого-то разбойника Ринальдо. Тассо съ упоеніемъ вслушивался въ чудный разговоръ; когда они кончили послѣднюю строфу, вынули изъ лодки рыбу, прибрали снасти и готовились войти въ хижину, онъ попросилъ ихъ рассказать ему то, что они пѣли. Итальянскіе рыбаки очень довѣрчивы и словоохотны. Вѣроятно молодой человѣкъ, заговорившій съ ними, имъ понравился, они пригласили его войти въ ихъ хижину, раздѣлили съ ними скромный ужинъ и рассказали Тассу всю легенду о разбойникѣ Ринальдо-Ринальдини. Разговоръ рыбаковъ произвелъ на Тассо такое сильное впечатлѣніе, что придя домой, онъ принялся за планъ поэмы, которая въ короткое время пріобрѣла извѣстность. Успѣхъ ея подалъ мысль герцогу Альфонсу Феррарскому призвать Торквато къ своему двору; въ то время герцоги и вельможи покровительствовали поэтамъ и художникамъ. Торквато, похоронивъ отца, умершаго не задолго до

этого, отправился въ Феррару, гдѣ былъ радушно принять Альфонсомъ и сестрой его Элеонорой, дѣвушкой очень красивой, но уже не первой молодости. Съ этихъ поръ начинаются несчастія Торквато. Первое время онъ находился почти неотлучно при герцогѣ и его сестрѣ. Оба они, восхищаясь его стихотвореніями, заставляли его читать все, что выходило изъ-подъ его пера.

Такъ прошло года два, и счастію Тассо казалось не будетъ и конца. Въ это счастливое время онъ написалъ безсмертную свою поэму „Освобожденный Іерусалимъ“, содержаніе которой онъ взялъ изъ перваго крестоваго похода. Поэма эта быстро облетѣла всю Италію и стала извѣстна даже за Альпами. Но явились завистники, которыхъ раздражало расположеніе Альфонса и Элеоноры къ поэту; слава его не давала имъ покоя, и вотъ они стали понемногу наговаривать герцогу, что Тассо, ослѣпленный славою и осыпанный милостями его свѣтлости, мечтаетъ вступить въ супружество съ Элеонорой. Сначала герцогъ не вѣрилъ подобнымъ навѣтамъ, но нашлись люди, которые перехватили нѣсколько бумагъ Тассо, и во всѣхъ, на заглавномъ листкѣ стояло имя Элеоноры, которой онъ посвящалъ всѣ свои сочиненія. Герцогъ Альфонсъ былъ возмущенъ подобной дерзостію.—Какъ! говорилъ онъ, „нищій“ котораго я призрѣлъ, котораго я осыпаю милостями; изъ простаго рода, смѣетъ питать въ душѣ своей такіе дерзкіе замыслы и Альфонсъ совершенно перемѣнился къ бѣдному поэту. Его стали хуже кормить, хуже одѣвать; даже входъ въ герцогскіе покои былъ ему запрещенъ. Онъ бы и вовсе изгналъ его изъ Феррары, но боялся осужденія со стороны другихъ дворовъ, кромѣ того изъ самолюбія не хотѣлъ лишиться поэта, октавы котораго пѣлись уже во всей Италіи: венеціанскими гондольерами (лодочниками), и неаполитанскими лаццарони (нищими). Придворные торжествовали. Напрасно Тассо увѣрялъ герцога, что на него взвели напраслину; герцогъ былъ неумолимъ. Тассо сталъ задумчивъ и постоянно мраченъ. Чувствуя

себя плѣнникомъ при дворѣ, онъ умолялъ герцога отпустить его изъ Феррары, но герцогъ и слушать не хотѣлъ. Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ. Между тѣмъ вѣсть о дурномъ обращеніи герцога съ поэтомъ, о томъ, что этотъ поэтъ сталъ грустенъ, что онъ исхудалъ, что на немъ бѣдная одежда, — быстро распространилась по Итали. Тогда Альфонсъ, чтобы положить конецъ всѣмъ толкамъ, объявилъ Тассо съумасшедшимъ, и заключилъ его въ темницу, гдѣ Тассо провелъ семь лѣтъ.

Однажды, во время пребыванія Рубенса въ Феррарѣ, многочисленное общество собралось въ большой залъ дворца. Тутъ присутствовали и герцогъ Альфонсъ, и сестра его, принцесса Элеонора. Началось пиршество; всѣ сидящіе за столомъ весело разговаривали, ѣли и пили. Вдругъ отворяется съ шумомъ дверь, врывается Торквато Тассо съ мандолиной въ рукахъ. Онъ подходитъ какъ бы внѣ себя къ Рубенсу, оглядываетъ его съ головы до ногъ, беретъ скамейку, садится около него и звучнымъ своимъ голосомъ начинаетъ пѣть четвертую пѣснь изъ своего „Освобожденнаго Иерусалима“, акомпанируя себѣ на мандолинѣ. Всѣ были поражены его появленіемъ, но никто, даже герцогъ Альфонсъ, не осмѣлился нарушить его пѣнія, Торквато пѣлъ; присутствующіе постепенно приходили въ неописанный восторгъ, Элеонора плакала. Рубенсъ, на груди котораго красовалось серебряное изображеніе Мадонны, былъ тронутъ до глубины души. Онъ вынулъ листъ бумаги и карандашъ и набросилъ фигуру Тассо. — Кто ты, дивный пѣвецъ и поэтъ? спросилъ Рубенсъ Тассо. Торквато отбросилъ въ сторону мандолину и преклонивъ предъ великимъ художникомъ колѣно, проговорилъ:

— Спасите меня! я погибаю. Меня всѣ считаютъ здѣсь съумасшедшимъ. Возьмите меня съ собою! умоляю васъ!

— Но кто же ты, несчастный? спросилъ Рубенсъ.

— У васъ на груди изображеніе Мадонны, которую, я знаю, подарилъ мой отецъ знаменитому художнику Рубенсу.

Вы—Рубенсъ, а я—Торквато Тассо. При этихъ словахъ Рубенсъ обвелъ глазами всю залу и воскликнулъ:

— Такъ вотъ поэтъ Италии, этотъ знаменитый Тассо, котораго октавы звучатъ по всей образованной Европѣ, а неблагодарная Италия признаетъ его сьумаспешдшимъ. Прочь, прочь, изъ Феррары! Я у ногъ папы *) буду умолять его святѣйшество вырвать поэта изъ кандаловъ. Рубенсъ въ тотъ же день оставилъ Феррару, а бѣднаго Тассо запрятали еще въ болѣе тѣсную и темную тюрьму.

На второй годъ его заключенія умерла Элеонора, и ненависть герцога къ Тассо усиливалась. Многія владѣтельные личности, герцоги, короли, даже самъ папа Климентъ VIII, просили Альфонса освободить Тассо, но Альфонсъ остался неумолимъ. Между тѣмъ нашлись еще люди, которые стали распускать слухъ, что въ поэмѣ „Освобожденный Іерусалимъ“ многое надобно измѣнить, такъ какъ Тассо слишкомъ много говоритъ о колдовствѣ и разныхъ чудесахъ: Тассо заставили измѣнить эти мѣста и онъ передѣлалъ, какъ требовали отъ него; но передѣлка эта была слаба и далеко уступала первому вдохновенію. Даже названіе поэмы приказано ему было переиначить: онъ долженъ былъ назвать ее „Завоеванный Іерусалимъ“. Все это до того потрясло Тассо, что онъ дѣйствительно сталъ близокъ къ помѣшательству, и когда его, наконецъ, выпустили на свободу, то онъ не узнавалъ самого себя, такъ онъ постарѣлъ, посѣдѣлъ и ослабѣлъ отъ страданій. Вскорѣ послѣ его освобожденія умеръ Альфонсъ Феррарскій.—Безъ крова, безъ пищи, почти безъ одежды, побрелъ Тассо въ родимый Сорренто, гдѣ онъ зналъ что живетъ его сестра Корнелія, которая была уже замужемъ и имѣла троихъ дѣтей. Дорогой Тассо питался подаяніемъ, онъ, который прославилъ Италию, онъ, котораго имя было извѣстно каждому простолюдину.

*) Папою называется глава или начальникъ католической церкви, почти тоже самое, что у насъ въ Россіи митрополитъ, а въ Греціи патріархъ.

Въ Сорренто Тассо прибылъ подъ вечеръ и нашель все семейство сестры, сидѣвшее подъ верандой. Корнелія сначала не узнала брата, но когда признала своего Торквата, общей радости не было конца. Даже самъ Тассо развеселился и на минуту позабылъ прожитые тяжелые года. Торквато оставался у сестры около года, но, не желая быть ей въ тягость, такъ какъ она и мужъ ея были не богаты; онъ тайно ночью ушелъ отъ нихъ. Тутъ началась его бродяжническая жизнь, которую онъ велъ до самой смерти: гдѣ онъ жилъ годъ, гдѣ мѣсяць, гдѣ сутки. Друзья приглашали его къ себѣ, каждый считалъ за счастье призрѣть у себя великаго поэта, но Тассо, убитый горемъ и гонимый людьми, сталъ недоувѣрчивъ и не откликался на дружескій призывъ. Въ послѣдніе годы онъ написалъ еще двѣ поэмы: „Аминта“ и „Сотвореніе Міра“, горе и несчастія ослабили силу его творчества такъ, что послѣднія поэмы его далеко уступаютъ великой поэмѣ „Освобожденный Іерусалимъ“, который дошелъ до насъ, по счастью, въ первобытномъ своемъ видѣ.

Жизнь стала для Тассо въ тягость, онъ ждалъ смерти, какъ успокоенія, наконецъ, предчувствуя скорую кончину, онъ отправился въ Римъ, гдѣ ему хотѣлось умереть. Это было какъ разъ передъ праздникомъ св. Онуфрія; огромныя толпы богомольцевъ направлялись въ Римъ, гдѣ находился этотъ монастырь. Тассо послѣдовалъ за толпою; на дорогѣ на нихъ напали разбойники, атаманомъ ихъ былъ извѣстный своею жестокостью бандитъ Скиарра; разбойники бросились на безоружныхъ богомольцевъ, но Скиарро, узнавъ, что между ними находится Торквато Тассо, пропустилъ толпу, не нанеся ей ни малѣйшаго вреда, а Тассо оказалъ особенныя почести.

Когда папа Климентъ VIII узналъ что Тассо прибылъ въ Римъ, то рѣшился торжественно увѣнчать его въ Капитоліи лавровымъ вѣнкомъ. Папа велѣлъ ускорить приготовленія къ торжеству, которое и было назначено чрезъ

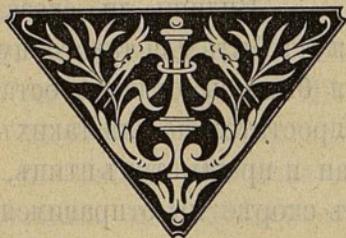
нѣсколько дней, для того, чтобы дать возможность прибыть въ Римъ многимъ желавшимъ присутствовать при давно небываломъ торжествѣ. Со времени Петрарки, въ Италиі вошло въ обычай увѣнчивать лавровымъ вѣнкомъ писателей, поэтовъ, художниковъ и артистовъ, имена которыхъ становились извѣстны и популярны. На это торжество съѣхалось и сошлось въ Римъ множество народа всѣхъ званій и всѣхъ сословій. Въ приготовленіяхъ принималъ горячее участіе кардиналъ Чинціо. Чинціо, зная, что Тассо при смерти, уговорилъ папу ускорить коронаваніе. Между тѣмъ до монастыря св. Онуфріа, гдѣ лежалъ на смертномъ ордѣ Торквато, дошли слухи, что его будутъ короновать въ Капитоліи. „Поздно, воскликнулъ Тассо! Я не увижу этого торжества“. Въ день вѣнчанія солнце свѣтило ярко сквозь высокія окна монастырской кельи. Тассо велѣлъ подвинуть свою постель къ окну. Былъ чудный закатъ солнца. Монахи, узнавъ, что Тассо кончается, вошли въ его келью, окружили его постель и запѣли Miserere, т. е. отходную; Тассо еще разъ приподнялся на постелѣ и воскликнулъ: друзья, о, дайте мнѣ взглянуть еще на пышный Римъ, гдѣ ждетъ пѣвца безвременная могила. Теперь ему нехотѣлось умереть, ему хотѣлось жить, ему хотѣлось въ минуту увѣнчанія забыть всѣ страданія жизни. Въ эту минуту изъ Капитолія раздался глухой звонъ, возвѣщавшій начало торжества. Еще нѣсколько минутъ! и за Тассомъ явятся кардиналы, народъ и понесутъ его въ Капитолій, гдѣ возложить на его бѣдную голову славный лавровый вѣнокъ, но Тассо не дожилъ до этихъ минутъ и тихо скончался 25 апрѣля 1595 года. На торжественный звонъ Капитолія отвѣчалъ заунывный колоколь монастыря, возвѣщавшій о смерти великаго поэта. Итакъ поэту не удалось вступить торжественно въ Капитолій, при жизни, зато усопшему ему были отданы необычайныя почести. Весь Римъ облекся въ трауръ, Капитолій драпировали чернымъ сукномъ, а гробъ его въ ограду монастыря св. Онуфріа

проводжали несмѣтныя толпы народа. Такъ умеръ величайшій поэтъ Италіи. На могилѣ его положили мраморную плиту, на которой и теперь еще можно разобрать надпись: „Здѣсь покоится прахъ Торквато Тассо“.

Невольно вспоминается при этомъ элегія Батюшкова: умирающій Тассо говорить:

„Я не вступлю при блескѣ въ Капитолій,
„И лавры славныя надъ дряхлой головой
„Не усладятъ пѣвца свирѣпой доли...

Е. Геслингъ.

КОРАЛЛОВЫЙ ОСТРОВЪ НА ТИХОМЪ ОКЕАНѢ.

XVI.

Чудовищная волна и ея слѣдствія.—Лодка потеряна и найдена.—Ужасный случай съ Петеркиномъ.—Островъ Пингвиновъ.—Удивленіе.—Пингвины.

ДНАЖДЫ сидѣли мы у брызжущей скалы и разсуждали объ экскурсіи, которую намѣревались сдѣлать на островъ Пингвиновъ.

— Видишь ли, сказалъ Петеркинъ, можетъ быть для такого пустаго малаго какъ я было бы отлично остаться дома, но непростительно для такихъ философовъ какъ вы не узнать обычаи и нравы этихъ птицъ, какъ пингвины,— слѣдовательно чѣмъ скорѣе мы отправимся, тѣмъ лучше.

— Справедливо, сказалъ я—ничего такъ не желаю какъ поближе взглянуть на нихъ.

— А я думаю, сказалъ Джекъ, что тебѣ, Петеркинъ, лучше остаться дома и позаботиться о кошкѣ.

— Остаться дома? воскликнулъ Петеркинъ, дорогой мой, да вѣдь ты погибнешь безъ меня.

— Мнѣ это и въ голову не приходило, сказалъ Джекъ, безъ сомнѣнія ты долженъ ѣхать. Наша лодка нуждается въ баластѣ.

Пока мы разговаривали, мы замѣтили темную линію, похожую на тучу или на миражъ, на морскомъ горизонтѣ. День

былъ хорошій, хотя облачный, дулъ мягкій вѣтеръ, но море не волновалось и прибой на рифѣ не былъ выше обыкновеннаго. Сначала это облако показалось намъ грозовой тучей и мы предположили, что приближается буря, но туча эта быстро, беззвучно приближаясь, не распространялась по небу. Только проходя мимо острововъ, разбросанныхъ по морю, обдавала ихъ пѣной, и съ грохотомъ и брызгами разсыпалась. Это заставило насъ думать, что приближающійся предметъ—волна, и когда она приблизилась къ нашему рифу, были поражены ея громадностью, вскочили на ноги и взобрались на самую вершину ущелья съ необъяснимымъ чувствомъ страха.

Коснувшись рифа, она залила его съ шумомъ, оглушительнѣе грома, этотъ грохотъ продолжался все время, пока волна катилась къ той скалѣ, на которой мы стояли. Наконецъ гребень ея возвысился передъ нами, тутъ мы сознали что намъ грозитъ опасность и бросились было бѣжать, но было поздно. Гигантская волна съ трескомъ, который казалось потрясала скалы, упала, брызгая водяными столбами, которые съ необыкновенной силой и шипѣниемъ вырывались изъ узкихъ отверстій. Мы были ошеломлены ударомъ и такъ вымочены и ослѣплены пѣной, что нѣсколько минутъ не знали гдѣ искать убѣжища. Наконецъ мы вскарабкались на возвышеніе, недоступное натиску волны. Что за ужасное зрѣлище представилось намъ, когда взглянули на берегъ! Громадная волна, заливши рифъ, продолжала катиться по лагунѣ, упала на песчаный берегъ, залила его и покатила въ лѣса, снося въ бѣшеномъ теченіи мелкія деревья и кустарники.

Джекъ сказалъ, что боится за наше жилище и за лодку, и мы поспѣшили домой. Сила волны была уже истощена прежде нежели она достигла нашего жилища, входъ въ него былъ почти загроможденъ вырванными кустами и грудями водорослей. Успокоившись, мы поспѣшили къ лодкѣ. Лодки не было и слѣда, какъ вдругъ увидали что она зацѣпилась

за кустъ и уютно умѣстилась среди листьевъ. На лодкѣ не было и слѣда поврежденія. Только нелегко было высвободить ее и стащить въ море. Это стоило намъ двухъ дней тяжелаго труда.

Мы и работали почти цѣлую недѣлю прежде нежели привели въ порядокъ мѣстность. Миссіонеры рассказывали, что эта гигантская волна появляется на нѣкоторыхъ изъ острововъ Тихаго океана разъ, а иногда и два раза въ годъ. Они не могли сказать мнѣ посѣщала ли волна всѣ острова, но увѣряли, что періодически появлялась на нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Послѣ того какъ мы привели въ порядокъ наше жилище, то снова стали подумывать о томъ, какъ бы навѣстить пингвиновъ. Мы стащили на берегъ лодку и сдѣлали на ней нѣкоторыя починки. Потомъ приготовили запасъ провизіи, намѣреваясь пробыть въ отсутствіи по крайней мѣрѣ ночь или двѣ, а можетъ и дольше. Пока Джекъ возился съ лодкой, Петеркинъ ходилъ въ лѣсъ заколотъ свинью, онъ бѣгалъ такъ быстро, что легко догонялъ свиней, но по неосторожности почти всегда натыкался на лни и камни во время своей охоты и рѣдко возвращался домой безъ синяковъ и царапинъ. Разъ съ нимъ случилось серьезное несчастіе. Онъ былъ все утро въ лѣсу и не вернулся домой къ обѣду. Мы удивились, онъ всегда аккуратно соблюдалъ обѣденные часы. Когда время стало приближаться къ ночи, мы встревожились, наконецъ отправились обыскивать лѣса. Къ вечеру напали на слѣдъ свиней и по немъ пришли на край крутаго обрыва. Заглянувъ въ него, увидали на днѣ Петеркина, лежащаго безъ чувствъ, щека его покоилась на мордочкѣ маленькой свинки, пришипленной къ землѣ копьемъ. Мы перепугались, поспѣшили смочить ему голову водою и къ нашей радости онъ очнулся. Когда мы снесли его домой, онъ разсказалъ намъ какъ это случилось.

— Бродилъ я, сказалъ онъ, по лѣсу все утро, усталъ какъ собака, и не видалъ ни одной свиньи, но такъ какъ рѣ-

шилъ не возвращаться съ пустыми руками, то отказался отъ обѣда, и—

— Что! воскликнулъ Джекъ, ты дѣйствительно рѣшился на это?

— Молчи, Джекъ, возразилъ Петеркинъ; говорю тебѣ, что я рѣшился отказаться отъ обѣда, и пробраться въ маленькое ущелье, гдѣ разсчитывалъ найти свиней. Вскорѣ я увидѣлъ, что попалъ на настоящій слѣдъ, едва прошелъ полъ-мили какъ хрюканье поразило мой слухъ. Ха, ха, сказалъ я, вы тутъ, ребята. Я взбѣжалъ въ ущелье, спугнулъ ихъ, выбравъ жирную свинью, и прокололъ ее. Въ то время какъ я совершилъ это, увидѣлъ, что мы на краю обрыва, а какъ я бѣжалъ такъ быстро, что не могъ остановиться, то вмѣстѣ со свиньей перекувырнулся въ оврагъ. Я очнулся только тогда, когда ты смачивалъ мнѣ голову, а Ральфъ ломалъ надо мною руки.

Не смотря на этотъ случай, Петеркинъ опять ходилъ на охоту и вернулся домой съ тремя прекрасными поросятами. Мой визитъ на болота былъ также очень удаченъ, я убилъ нѣсколько паръ утокъ. Когда на другой день на восходѣ солнца мы оснастили и нагрузили нашу лодку, оказалось у насъ провизіи:

10 хлѣбныхъ плодовъ (два печеныхъ и восемь сырыхъ).

20 корней ямса (шесть жареныхъ, остальные сырые).

6 корней таро.

50 превосходныхъ большихъ сливъ.

6 кокосовыхъ орѣховъ зрѣлыхъ.

6 зеленыхъ (для питья).

4 большихъ утки и двѣ маленькихъ, сырыя.

3 холодныхъ жареныхъ свиней съ начинкой. Начинку придумалъ Петеркинъ, ее выкинули за бортъ.

Было спокойное солнечное утро, когда мы отправились и поплыли по лагунѣ къ отверстию въ рифъ. Проѣхавши между двумя зелеными островками, стерегущими входъ, мы

переплыли прибой и поплыли по длинной маслянистой зыби, медленно вздымающейся на обширномъ океанѣ.

Островъ Пингвиновъ лежалъ по другую сторону отъ нашего острова, почти въ милѣ разстоянія, за внѣшнимъ рифомъ.

— Я бы желалъ чтобы подулъ вѣтерокъ, сказалъ Джекъ.

— Я тоже, вскрикнулъ Петеркинъ, облокотясь на весло, и отирая катившійся со лба потъ—грести тяжелый трудъ. О, Господи, если бы мы могли поймать сотню другую этихъ чаекъ, привязать ихъ къ лодкѣ длинными веревками и заставить летѣть такъ быстро, какъ мы хотимъ; какъ это было бы хорошо!

— Кажется твое желаніе исполняется, задуваетъ вѣтерокъ. Сложи весло, Петеркинъ. Подними мачту, Ральфъ; я буду смотрѣть за парусомъ. Гляди за кормою, остерегайся шкваловъ!

Эти послѣднія слова были вызваны внезапнымъ появленіемъ на горизонтѣ темно-голубой линіи, которая въ короткое время устремилась на насъ, вздымая море въ бѣлую пѣну. Мы противопоставили корму лодки первому натиску, въ нѣсколько секундъ дуновение превратилось въ постоянный вѣтеръ, мы распустили паруса, весело летѣли по морю и пролетѣли большую часть пути до наступленія затишья. Парусъ, хлопая о мачту, возвѣстилъ намъ, что пора взяться за весла. Мы были въ миляхъ отъ острова Пингвиновъ.

— Вотъ и солдаты! вскрикнулъ Петеркинъ, когда мы завидѣли островъ, какіе чистенькіе панталоны у нихъ сегодня? Радужно ли они примутъ насъ. Какъ ты думаешь, гостеприимны ли они, Джекъ?

— Не разговаривай, Петеркинъ, а гребь и вскорѣ увидишь.

Подѣхавши ближе къ острову, мы были заинтересованы маневрами и наружностью этихъ странныхъ птицъ. Онѣ казались принадлежали къ различнымъ видамъ, у нѣкоторыхъ были гребни на головахъ, у другихъ ихъ не было, однѣ

были величиною съ гуся, другія казались почти съ лебедя. Надъ пингвинами парилъ большой альбатросъ, его окружали многочисленныя стаи чаекъ. Приблизившись къ острову, мы стали на веслахъ и глядѣли на птицъ съ удивленіемъ и удовольствіемъ, онѣ же любопытно осматривали насъ. Мы теперь видѣли, что солдатская наружность объясняется ихъ короткими, прямыми ногами, вытянутыми въ струнку; у нихъ были черныя головы, длинные, острые клювы, бѣлыя груди и голубоватыя спины. Ихъ крылья были такъ коротки, что казались скорѣе плавниками рыбы и дѣйствительно мы вскорѣ увидали, что онѣ употребляли ихъ для плаванья подъ водою. На этихъ крыльяхъ не было стволистыхъ перьевъ, но родъ чешуйчатыхъ, которыя покрывали все ихъ туловище. Ихъ ноги были коротки и такъ широко отстояли другъ отъ друга, что они должны были стоять прямо, чтобы сохранить равновѣсіе, но въ водѣ пингвины плавали какъ и другія морскія птицы. Сначала мы были такъ оглушены шумомъ, который они и другія морскія птицы производили вокругъ насъ, что не знали куда смотрѣть. Онѣ покрывали скалы тысячами; между пингвинами мы замѣтили нѣсколькихъ разгуливающихъ четвероногихъ, какъ намъ казалось.

Подѣхавши поближе къ острову, къ удивленію мы увидали, что эти четвероногія также пингвины, только они ползали среди кустовъ на ногахъ и крыльяхъ. Вдругъ одна большая старая птица, сидѣвшая близко къ намъ, встревожилась и спустившись по скаламъ, соскочила или скорѣе упала нежели вбѣжала въ море. Она нырнула во одно мгновеніе, черезъ нѣсколько секундъ съ крикомъ выскочила изъ воды, и опять нырнула, мы едва могли вѣрить глазамъ своимъ, что это не рыба прыгаетъ, играя.

— Взгляни сюда, сказалъ Петеркинъ, указывая съ ужасомъ на берегъ. Взгляни-ка, что это у этого животнаго подъ хвостомъ.

Мы повернулись чтобы взглянуть въ указанномъ имъ на-

правленіи и увидали пингвина разгуливающаго степенно съ лицомъ подь хвостомъ. Мы замѣтили множество и другихъ, также отягощенныхъ пингвиновъ и узнали вполсѣдствіи, что это былъ особый видъ этихъ птицъ, который всегда бережетъ такъ свои лица. Мы были поражены правильностью и порядкомъ этой колоніи. Островъ казался раздѣленнымъ на квадраты, каждый пингвинъ владѣлъ однимъ изъ нихъ, сидѣлъ съ чопорной торжественностью посрединѣ квадрата или медленно маршировалъ между ними. Нѣкоторые пингвины высиживали свои яйца, а другіе кормили дѣтенышей самымъ смѣшнымъ способомъ. Мать стояла на холмѣ или на выступѣ скалы, дѣтеныши терпѣливо ждали внизу на землѣ. Вдругъ мать подняла голову и испустила рядъ самыхъ нестройныхъ гогочущихъ звуковъ.

— Она задохнется, закричалъ Петеркинъ.

Но этого не случилось, хотя дѣло было похоже на то. Черезъ нѣсколько секундъ мать опустила голову и открыла ротъ, куда дѣтенышъ всунулъ свой клювъ и казалось что-то высасывалъ у нея изъ горла. Такимъ образомъ кормленіе продолжалось пока дѣтенышъ насытился, но чѣмъ она кормила, мы не могли рѣшить.

— Взгляни-ка туда! сказалъ Петеркинъ взволнованнымъ голосомъ. Этотъ противный, старый пингвинъ спихнулъ своего дѣтеныша въ море и другой готовится слѣдовать его примѣру.

Дѣйствительно оказалось такъ. На верху скалы у края моря мы замѣтили стараго пингвина, старающагося увлечь своего дѣтеныша въ воду, дѣтенышъ повидимому упирался и не смотря на увѣщанія матери медленно приближался къ водѣ. Наконецъ мать тихо обошла, встала позади молодой птицы и подтолкнула ее въ воду, но съ такой нѣжностью, какъ бы говоря: не бойся, голубушка! я не сдѣлаю тебѣ вреда! Дѣтенышъ сталъ на край скалы и задумчиво глядѣлъ въ море, мать дала ему внезапно толчекъ, сбросивши его прямо въ воду, гдѣ и оставила его выкарабкиваться на берегъ, какъ

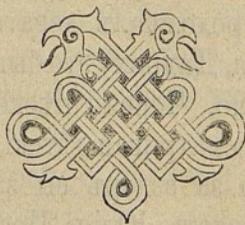
сумѣть. Мы замѣтили, что многіе пингвины дѣлали тоже и поняли что это старые пингвины учать дѣтей плавать.

Едва мы окончили наши наблюденія, какъ увидѣли около дюжины старыхъ птицъ, прыгающихъ неуклюжимъ, уморительнымъ способомъ къ морю. Достигнувши воды, онѣ ныряли и выскакивали изъ воды съ необычайной быстротою, Петеркинъ предложилъ высадиться на островъ. Мы согласились и въ нѣсколько секундъ вплыли въ маленькую бухту, лодку приязали къ выступу коралловой скалы, сами, вбѣжавъ на берегъ, вступили въ ряды пингвиновъ, вооруженные дубинами и копьемъ. Пингвины, увидавъ насъ, вмѣсто того, чтобы нападать на насъ или испугаться, не двинулись съ мѣста, и только глядѣли съ тупымъ удивленіемъ.

Мы провели цѣлыхъ три часа на островѣ, наблюдая за нравами этихъ птицъ и нашли, что это самыя удивительныя изъ встрѣтившихся намъ на коралловыхъ островахъ.

А. С—ва.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БАБУШКА.

VI.

Учитель и день рожденья.

Ъ СКОРОМЪ времени прибылъ изъ столицы въ Зейфель учитель. Это былъ человекъ лѣтъ тридцати, небольшого роста, толстый, въ очкахъ, говорилъ скоро и много и другимъ не давалъ сказать ни слова. Такъ какъ писалъ онъ не разборчиво, то станціонный писарь продолжалъ давать дѣтямъ уроки чистописанія, Дидриху это было пріятно, а консульшу огорчало. Черезъ нѣсколько дней Вильмзень, такъ звали учителя, разсматривая дѣтскія тетради чистописанія, сказалъ писарю: „что за вздоръ вы заставляете ихъ писать. „Бругъ помогаль заколоть Юлія Цезаря“. Далѣе—„Федръ писалъ прекрасныя басни“. „Блины начиняютъ вареньемъ“. „Пушки употребляютъ на войнѣ“. „За горшокъ масла заплатили сегодня полъ талера.“ Что за наборъ словъ! Точно смѣсь масла, молока и кислой капусты“.

Старикъ покраснѣлъ,—и помолчавши немного, сказалъ:

— Развѣ вы не понимаете, г. магистръ, что я забочусь о томъ, чтобы ученики мои изучили всѣ почерки письма.

Дѣти хранили молчаніе. Когда же кончился урокъ и имъ предоставлена была свобода, тогда Оедя сказалъ:

— Съ Стефаніей возвратился было въ домъ нашъ вѣкъ золотой, какъ то было при покойной матушкѣ, съ магистромъ же насталь вѣкъ мѣдный, придетъ вѣкъ и желѣзный, тогда радость совсѣмъ исчезнетъ изъ нашего дома.

Дидрихъ тихо занимался своими дѣлами и уклонялся отъ разговора съ матерью объ учителѣ.

Такимъ образомъ прошли три недѣли. Оедя и Адольфъ мучились, твердя наизусть латинскіе разговоры, Юлія списывала толстыя тетради о витійствѣ и письмѣ древнихъ, а Лина заучивала наизусть: одиножды-одинъ. Дидрихъ по прежнему задумчиво сидѣлъ у матери и пилъ шоколадъ. Консульша нѣсколько разъ собиралась заговорить съ нимъ объ учителѣ и наконецъ сказала:

— Я должна сознаться, что придворный проповѣдникъ не могъ намъ рекомендовать человека хуже Вильмзена. Спорщикъ, не даетъ никому слова выговорить, суется всякому въ глаза и мучитъ своей методою ученья дѣтей, особливо маленькую Лину, бѣдняжка каждый день горько плачетъ надъ своимъ одиножды-одинъ, да моритъ своей игрой на флейтѣ. Едва запищитъ несчастная флейта, мой Азоръ начинаетъ выть и визжать до того, что я погибаю. Плачевный звукъ раздается по всему дому хуже крика совы. Его игра на флейтѣ будитъ меня рано утромъ и сопровождаетъ вечеромъ въ постель.

— Надобно запретить г. магистру играть на флейтѣ въ комнатахъ, пусть свиститъ въ лѣсу сколько душѣ угодно, сказалъ Дидрихъ.

— Говорила—отказался. Долѣе, сынъ мой, ни одной недѣли не потерплю его въ нашемъ домѣ.

— Вы знаете, матушка, отвѣтилъ Дидрихъ, что мы заключили съ магистромъ договоръ на полгода и въ случаѣ отказа съ нашей стороны, должны ему выплатить по крайней мѣрѣ за пять мѣсяцевъ жалованья и содержанія.

— Дай ему все, что онъ ни потребуеть, сказала консульша поспѣшно, я готова принять эти издержки на свой счетъ.

На другой же день магистръ довольный, веселый спокойно укладывался, уѣзжая съ полнымъ кошелькомъ. Еще довольнѣе и счастливѣе были его воспитанники, поступая къ своимъ прежнимъ учителямъ. Около осени Ульрика кухарка и повѣренная консульши выходила замужъ за молодаго человѣка, который вмѣстѣ съ своимъ братомъ занимался извозомъ. Консульша такъ щедро наградила свою любимицу, что мужъ ея купилъ четыре лошади и бричку. Зейфенскіе жители переговаривали, что Ульрика нажила эти деньги, управляя домомъ Дидриха. Консульша не удовольствовалась тѣмъ, что наградила Ульрику, но просила еще сына своего препоручить перевозъ своихъ товаровъ Фидлеру, такъ звали мужа Ульрики.

По отъѣздѣ Стефаніи, Дидрихъ взялъ на свое попеченіе семейство Кирбаха и когда Ульрика вышла замужъ, то взялъ г-жу Кирбахъ на ея мѣсто готовить кушанье, что она и исполняла очень хорошо, съ помощію черновой кухарки. Всѣ были ею довольны, даже и своенравная консульша, угодить на которую было очень трудно. Поэтому Кирбахъ большую часть дня проводила въ домѣ Дидриха и только поздно вечеромъ возвращалась къ своимъ дѣтямъ.

Настало тридцатое октября, день рожденія консульши. Послѣдніе цвѣты изъ цвѣтника были принесены на жертву этому празднику. Изъ нихъ подѣлали букеты и вѣнки и украсили ими комнату слѣпой, которая хотя и не могла ихъ видѣть, но брала въ руки и чувствовала ихъ запахъ. По утру Дидрихъ и дѣти пришли поздравить новорожденную и принесли подарки, состоявшіе по большей части изъ такихъ предметовъ, которые были доступны чувствамъ слуха, вкуса и обонянія. Они состояли въ духахъ, лакомствахъ и дорогихъ матеріяхъ. Между посѣтителями, пришедшими поздравить консульшу, былъ и станціонный писарь; чтобы ничѣмъ не потревожить именинницы, онъ провѣтривалъ свое платье

нѣсколько дней на воздухѣ и позволилъ Адольфу наприсыкать себя о-де-колономъ.

Дидрихъ, желая усладить слухъ своей матери, повѣсилъ въ ея комнатѣ двѣ картины съ часами и музыкой, такъ что слѣпая этого и не замѣтила.

Утромъ, какъ только встала новорожденная, въ комнатѣ ея собралось множество гостей пить шоколадъ. Едва слѣпая поднесла ко рту свою чашку, Дидрихъ дернулъ за шнурокъ, и изъ часовъ, висѣвшихъ надъ диваномъ, раздалась ея любимая арія изъ Фрейшюца.

Чистые, серебристые звуки лились обворожительно. Слепая, изумленная самымъ пріятнымъ образомъ, поставила на столъ чашку и съ наслажденіемъ слушала. Когда Дидрихъ дернулъ вторично за шнурокъ, арія замѣнилась маршемъ стараго Дессаура. Маршъ пробудилъ воинственный духъ станціоннаго писаря, онъ смѣло поднялъ голову, станъ его выпрямился, глаза вспыхнули огнемъ геройства, грудь поднялась мужественно, онъ также поставилъ на столъ свою чашку и забарабанилъ пальцами по красному дереву, вторя маршу и качая въ тактъ головою. „Вотъ музыка-то! такъ музыка!“ говорилъ онъ, когда маршъ кончился. „Она воскреситъ изъ мертвыхъ. Нѣтъ, не будетъ втораго Дессаура“.

Съ музыкой поступаютъ не такъ какъ съ виномъ, вино подаютъ сначала лучше, потомъ хуже. Въ музыкѣ наоборотъ. Третья и послѣдняя пѣса должна увѣнчать прочія.

Музыка Вебера можетъ нравиться многимъ, но народная мелодія заставляетъ биться сердце каждаго.

Сильно забились сердца присутствовавшихъ, когда раздалась старинная народная пѣсня и всѣ невольно въ полголоса вторили ей.

Когда пѣніе умолкло, изъ-за дверей раздался свѣжій, чистый, сильный, юный хоръ. Онъ пѣлъ:

Намъ жизнь дается только разъ,
И точно роза кратко рдѣтъ,
Рви розу въ свѣтлый утра часъ,
Пока не поблѣднѣтъ.

Юные пѣвцы доказали, что никакая музыка не можетъ сравняться съ голосомъ человѣка. Всѣ, и даже консульша, были глубоко тронуты невидимымъ хоромъ, и едва переводя дыханіе слушали до конца пѣніе. Когда же оно кончилось, хозяинъ дома всталъ съ своего мѣста, отворилъ двери и сказалъ:

— Bravo, дѣти! Вы славно выполнили свое дѣло. Подите сюда, юные пѣвцы, покажитесь намъ.

Въ комнату вошло семеро пѣвцовъ; они доказали, что поютъ съ чувствомъ не однѣ погребальныя молитвы. Пока дѣти входили въ комнату, Дидрихъ незамѣтно изъ нее вышелъ.

— Посмотрите, бабушка, сказала Юлія, позабывши, что относится къ слѣпой, на дѣвочкахъ ваше платье, которое вы бросили, потому что въ пятнахъ. Не правда ли, какъ оно къ нимъ пристало?

Консульша осязаніемъ увѣрилась, что внука ея говорила правду, и своимъ обращеніемъ со всѣми доказала, что если она захочетъ, то можетъ быть любезна и привѣтлива. Она ласково говорила съ молодыми пѣвцами и одѣлила каждого деньгами.

— Который тебѣ годъ, Христофоръ? спросила консульша высокаго, сильнаго мальчика.

— Въ Срѣтеніе Господне мнѣ будетъ четырнадцать лѣтъ, отвѣчалъ мальчикъ.

— Какимъ ремесломъ ты хочешь заниматься?

— Тѣмъ же, которымъ занимался покойный батюшка, хочу быть извощикомъ.

— И ты не боишься того, что случилось съ твоимъ отцомъ?

— Чего же бояться, говорил Христофоръ, это несчастный случай. Такъ было угодно Богу.

— Ну, если ты не переѣдешь своего намѣренія, продолжала консульша, я переговорю съ Фидлеромъ и попрошу, чтобы онъ взялъ тебя на пробу, а къ Святой опредѣлитъ бы работникомъ. Надѣюсь, тебѣ будетъ не худо у Фидлера, особенно когда я замолвлю за тебя доброе слово Ульрикъ.

— Если, вы, г-жа консульша, сдѣлаете такую милость, вскричалъ радостно Христофоръ, я на вѣкъ останусь вамъ благодарнымъ, ѣзда—мое наслажденіе и живыя лошади меня занимаютъ въ десять тысячъ разъ болѣе деревянныхъ, которыхъ я раскрашиваю; я уже могу сѣдлатъ и взнуздывать лошадей, умѣю ихъ и закладывать и откладывать.

Станціонный писарь до того былъ восхищенъ привѣтливостію консульши, что началъ попѣвать: когда бы это всегда такъ было! Когда бы это всегда такъ было! Однако же куда это дѣвался мой доброй Дидрихъ. Онъ долженъ бы радоваться, что мать его сегодня въ такомъ пріятномъ расположеніи духа.

Подойдя къ кабинету, сквозь стеклянную дверь старикъ увидѣлъ Дидриха печально, неподвижно склонившимся на бюро. Удивленной этимъ зрѣлищемъ и увлекаемый веселымъ расположеніемъ духа, онъ постучался пальцами въ стекло и запѣлъ:

Намъ жизнь дается только разъ,
Умѣйте ея наслаждаться;
Рви розу въ свѣтлый утра часъ.

Дидрихъ быстро приподнялъ голову, не обращаясь лицомъ къ станціонному писарю, отеръ рукою глаза и сказалъ: правда ваша, дорогой Либертъ. Но иногда въ розу попадаютъ шипы.

— У всякаго свое горе, говорилъ, уходя, станціонный писарь, даже и у богатаго Дидриха.

VII.

Ростовщикъ.

Зима прошла. Наступила весна. Однажды въ воскресенье консульша отдыхала послѣ обѣда, что обыкновенно продолжалось до трехъ часовъ пополудни. Дѣти, пользуясь свободнымъ временемъ, пошли гулять въ лѣсъ. Они противъ обыкновенія шли безмолвно. Наконецъ Адольфъ сказалъ: сегодня уже третье воскресенье намъ не подаютъ къ обѣду вина. Батюшка также не пьетъ его, продолжалъ Одея, а прежде пилъ вино каждый день.

— Всего удивительнѣе то, сказала Юлія, что батюшка дѣлаетъ видъ, какъ будто бы онъ намъ вина наливаетъ. И зачѣмъ намъ ставятъ рюмки, да наливаютъ водой изъ графиновъ. А бабушка воображаетъ, что мы и батюшка пьемъ вино по обыкновенію.

— Однако въ погребѣ еще довольно вина, замѣтилъ Адольфъ, найдется до сотни бутылокъ.

— Онъ для бабушки, это мнѣ сказалъ самъ батюшка, говорила Юлія.

— И я также кой-что знаю, таинственно сказала Лина.

— А что ты знаешь? спрашивали ее дѣти.

— Когда батюшка пьетъ у бабушки шоколадъ, то по большей части наливаетъ его себѣ самъ менѣ половины чашки, а если ему наливаетъ шоколадъ бабушка, то онъ дѣлаетъ видъ, что пьетъ его, а самъ потихоньку выливаетъ его обратно въ шоколадницу. Прежде батюшка одинъ крендель давалъ мнѣ, а другой кушалъ самъ. Теперь же ни одного не трогаетъ и кладетъ ихъ опять въ корзинку.

— Когда я въ послѣдній разъ надѣлъ новое платье, сказалъ Адольфъ, то бабушка попробовала мой рукавъ и сказала: Э! э! сынъ мой, мнѣ кажется это сукно слишкомъ грубо. Батюшка покраснѣлъ и отвѣчалъ ей: это новый сортъ сукна, оно дѣлается изъ чистой шерсти, въ немъ нѣтъ ни одной

льняной ниточки, оно гораздо прочнѣе обыкновеннаго, я не нахожу въ немъ большой разницы съ тѣми сукнами, развѣ только оно нѣсколько потолще.

— Батюшка не станетъ же лгать, возразила Юлія съ упрекомъ.

— Я этого и не говорю, сказалъ Адольфъ, оправдываясь.

— Прежде батюшка отправлялъ каждыя двѣ недѣли возъ игрушекъ въ Нюренбергъ, продолжалъ Одея, а теперь вотъ уже пять недѣль прошло, а Фидлеръ не отвезъ ни одного воза. Теперь торгъ идетъ плохо, говорилъ недавно батюшка станціонному писарю. Но по чему же другіе купцы отсылаютъ по стольку же ящиковъ какъ и прежде.

— Замѣчаете ли вы какъ батюшка печаленъ? сказала Юлія.

— Тѣмъ веселѣе онъ бываетъ у бабушки, увѣряла Лина.

— Мнѣ кажется, онъ только притворяется веселымъ.

— Не случилось ли съ нимъ какого несчастія? задумчиво сказалъ Одея.

Дѣти возвратились домой позднѣе обыкновеннаго. Они нашли бабушку весело разговаривающей съ знакомымъ разнощикомъ, который съ давняго времени снабжалъ семейство Дидриха полотномъ.

Слѣбая съ помощію осязанія и аршина узнавала доброту, ширину и длину полотна, выбирала, торговала и откладывала выбранное, потомъ считала гуртомъ что будутъ стоить выбранные товары.

— Все стоитъ восемьдесятъ шесть талеровъ и четырнадцать грошей, сказала консульша, вы получите ихъ отъ моего сына, г. Бете. Юлія! позови сюда папа.

Дидрихъ испугался, узнавши въ чемъ дѣло. Любезная матушка, сказалъ онъ кротко, зачѣмъ такой огромный запасъ полотна? Зачѣмъ это для каждаго ребенка дюжину новыхъ рубашекъ, изъ которыхъ они скоро выростутъ. Кромѣ того мнѣ кажется, что вмѣсто этого тонкаго полотна, имъ

бы прочнѣе было полотно средняго разбора. Три дюжины новыхъ полотенець не лишнія ли?

— Гдѣ вамъ мужчинамъ знать толкъ въ бѣльѣ и холстинѣ, съ сердцемъ возразила консульша, мнѣ это извѣстно лучше твоего. И что значать восемьдесятъ талеровъ для человѣка съ твоимъ состояніемъ?

— Не въ деньгахъ дѣло, матушка, возразилъ Дидрихъ, но необходимо ли дѣлать эти издержки.

— Если ты хочешь, сынъ мой, сказала консульша, я изъ своихъ денегъ заплачу за товаръ, который уже сторговала.

— О помилуйте, матушка! возразилъ покорный сынъ, стараясь улыбнуться.

— Пойдемте, добрый Бете, въ мою контору, тамъ вы получите деньги.

Г. Бете получилъ слѣдовавшія ему деньги и ушелъ; Дидрихъ также вскорѣ вышелъ изъ дома и направилъ путь къ пограничному городу Катериненбергъ, лежащему въ двухъ миляхъ отъ Зейфена, и возвратился домой уже поздно вечеромъ, не говоря никому о настоящей дѣли своего путешествія.

На другой день передъ обѣдомъ станціонный писарь, давая урокъ дѣтямъ, взглянулъ нечаянно въ окно, выходившее въ садъ и сказалъ съ удивленіемъ: Эй! что это? никакъ Пинкертъ изъ Катериненберга? пѣвка ростовщикъ? Напрасно Дидрихъ пускается въ торги съ этимъ опаснымъ человекомъ. Надобно его предупредить. Смотрите-ка, отецъ вашъ идетъ съ нимъ въ бесѣдку. Покуда ростовщикъ въ бесѣдкѣ, она перестаетъ быть бесѣдкой.

Эти слова перепугали дѣтей. Они охотно бы повѣрили свои опасенія писарю; но какой-то тайный страхъ смыкалъ имъ уста.

— Пожалуйста не говорите ничего при бабушкѣ, просилъ Одея.

— Я вѣдь не ребенокъ, отвѣчалъ старикъ. У Пинкерта есть всегда деньги, чтобы потѣшить себя.

— Юлія! на концѣ дѣлай s поменьше. Адольфъ! подыми выше голову. Оеда! не держи пера двумя пальцами. Э! э! вонъ Пинкертъ крадется за уголь, какъ куница съ голубиной охоты. Я еще не рѣшу достигъ ли онъ своей цѣли. Право этотъ ростовщикъ кажется мнѣ ядовитымъ мухоморомъ.

Сказавши это, писарь съ довольнымъ видомъ потеръ себѣ руки, радуясь удачному сравненію и позабылъ о своемъ намѣреніи предупредить Дидриха. Дѣти робѣли все болѣе и болѣе и вѣроятно не безъ причины.

Прежде за столомъ всему семейству подавались одинаковыя блюда, только изрѣдка приготавлилось для бабушки какое нибудь лакомое, дорогое кушанье, которое она всегда дѣлила съ сыномъ. Съ нѣкотораго же времени все это перемѣнилось. Дидриху и дѣтямъ подавалось одно блюдо самаго простаго кушанья. Только для слѣпой бабушки готовили столъ роскошный. Слепая, догадываясь объ этомъ различіи, нѣсколько разъ дѣлала замѣчанія сыну; но онъ всегда находилъ какую-нибудь оговорку. Это притворство не могло долго продолжаться.

Однажды за обѣдомъ консульша сказала: сегодня Кирбахъ пересолила спаржевой супъ. Какъ тебѣ кажется, Юлія?

Юлія, у которой какъ и у прочихъ дѣтей былъ супъ безъ спаржи, смутилась—она инстинктомъ понимала, что отцу ея хотѣлось скрыть отъ матери истину и краснѣя, заикаясь, сказала: я не нахожу этого, бабушка, мнѣ кажется супъ хорошъ.

— Не можетъ быть, настойчиво возразила слѣпая, дай мнѣ попробовать твоего супа.

Юлія бросила робкій взоръ на отца и медленно подвинула свою тарелку бабушкѣ. Слепая попробовала его и вскричала съ изумленіемъ.

— Да это другой супъ, въ немъ только хлѣбъ да вода.

— Побраните нашего садовника, матушка, сказалъ шутя Дидрихъ, хотя ему было не до шутокъ, онъ пожалѣлъ молодую спаржу и нарѣзалъ самую малость только для васъ;

зато вѣроятно, если нѣсколько дней постоитъ теплая погода, то у насъ будетъ множество спаржи.

— Но вѣдь это просто вода, возразила консульша, даже не подправлено и яйцемъ.

— Все бульонъ да бульонъ, надоѣстъ, отвѣчалъ Дидрихъ, не мѣшаетъ иногда поѣсть и постнаго супа. Консульша замолчала. Спустя немного времени она опять начала: мнѣ кажется попалъ старый голубь, такой жесткій, не откусишь, Юлія, у тебя зубы лучше моихъ, помѣняемся голубемъ.

— Ахъ, любезная матушка, поспѣшно сказали Дидрихъ, Кирбахъ не могла нигдѣ найти больше одного голубя.

— Ну такъ дай мнѣ твое жареное или котлетку, Юлія, сказала консульша, а на промѣнъ возьми моего жаренаго голубя.

— Ей не чѣмъ съ вами помѣняться, матушка, возразилъ Дидрихъ, Кирбахъ, понадѣясь на голубей, не покупала другаго жаренаго и опоздала такъ, что нечего было ни жарить, ни дѣлать котлеты.

— Стало быть вы ѣдите одинъ картофель? спросила съ удивленіемъ слѣпая. Ни колбасы! ни яицъ съ масломъ! это можно скоро приготовить.

— Мы не хотимъ ни того, ни другаго, сказалъ Дидрихъ, картофель очень вкусенъ. Не правда ли, дѣти?

— Отличный, отвѣчали дѣти единогласно.

— Еслибъ они ѣли одинъ сухой хлѣбъ и тогда отвѣчали бы то же.

Грустный, благодарный взоръ отца былъ имъ наградой.

На слѣдующій день Дидрихъ опять отправился въ Катериненбергъ. Онъ возвращался домой уже поздно и печаленъ, но по мѣрѣ приближенія къ дому, старался принять веселый видъ. Когда же на другой день работники пришли сдать готовый товаръ, то онъ сказалъ разсѣянно: приходите, друзья, послѣ обѣда, мнѣ теперь некогда принимать товары и нѣтъ ни копѣйки денегъ. Работники ушли, Дидрихъ подошелъ къ окошку, выходявшему въ садъ, и сталъ внимательно

смотря въ лѣсъ. Черезъ нѣсколько времени раздался въ воздухѣ тихій, но пронзительный свистъ, отъ звука котораго Дидрихъ вздрогнулъ и поблѣднѣлъ, потомъ поспѣшно вышелъ изъ своего кабинета и черезъ садъ отправился въ бесѣдку, дверь которой заперъ за собою. Въ бесѣдкѣ онъ растворилъ окно, выходившее на открытое поле и передалъ черезъ него стулъ внизу стоящему человѣку, сказавши: влѣзайте, любезный Пинкертъ, я васъ ждалъ съ большимъ терпѣніемъ.

— Безъ сомнѣнія для того, чтобъ заплатить мнѣ долгъ? возразилъ ростовщикъ, влѣзая въ окно. Я очень жалѣлъ, что вы меня вчера не застали дома, сегодня рано утромъ, мнѣ надобно бы было пуститься въ путь.

— У меня случились непредвидѣнные расходы, сказалъ Дидрихъ въ смущеніи, и я хотѣлъ попросить васъ ссудить меня еще сотнею талеровъ.

— Сохрани Боже! невозможно, вскричалъ ростовщикъ. Что вы, г. Дидрихъ, въ умѣ ли вы? Послѣ завтра срокъ вашему векселю, а вы вмѣсто уплаты еще занимаете.

— Вы ничѣмъ не рискуете. Мнѣ должны болѣе того, что я вамъ долженъ и каждый день ожидаю полученія денегъ.

— Я уже слышалъ такія рѣчи, отвѣчалъ Пинкертъ. На эти обѣщанія не повѣрю ни гроша. И такъ послѣ завтра мои сто талеровъ или... что далѣе будетъ—вамъ извѣстно.

— Сколько потребуете вы процентовъ, чтобы отсрочить вексель на четыре недѣли и дать мнѣ сто талеровъ въ займы, срокомъ на столько же времени, или немного подольше? спросилъ Дидрихъ.

— Во-первыхъ, вѣрный залогъ, отвѣтилъ ростовщикъ, потомъ тридцать талеровъ за труды и полстолько же процента за старый и новый заемъ.

— Да это ужасно, это выше ростовщика, вскричалъ встревоженный Дидрихъ.

— Я васъ не принуждаю, холодно сказалъ Пинкертъ. Это какъ вамъ угодно. Дидрихъ нѣсколько времени боролся

самъ съ собою, потомъ сказалъ: что же мнѣ вамъ дать подь залогъ? кромѣ векселя или слова честнаго человѣка.

— Надобно что нибудь позначительнѣе, милостивый государь! возразилъ ростовщикъ и вѣрнѣ простой бумаги и пустаго звука. У васъ безъ сомнѣнія есть золотыя и серебряныя вещи, какъ-то: часы, цѣпочки, кольца, брилліанты, серебро, принесите-ка все эти вещицы сюда и мы какъ разъ, покончимъ дѣло.

Дидрихъ глубоко вздохнулъ. Потомъ робко прокрался въ домъ свой, и вскорѣ опять вышелъ съ тяжелымъ узломъ къ бесѣдкѣ. Когда ростовщикъ разсмотрѣлъ и оцѣнилъ драгоценныя вещи, то изъявилъ согласіе. Они оба сѣли, начали писать вексель и запечатали его. Наконецъ ростовщикъ вынулъ кошелекъ и началъ отсчитывать деньги.

— Вотъ бѣда! сказалъ онъ съ притворнымъ удивленіемъ, вмѣсто ста талеровъ, я принесъ только восемьдесятъ девять съ половиной, а переменить вексель некогда. Я вамъ вручу бездѣлицу, которой здѣсь недостаетъ, при первомъ свиданіи.

— Извольте, но вѣрно вы не откажитесь дать мнѣ росписку въ обезпеченіе? спросилъ Дидрихъ.

Ростовщикъ притворился обиженнымъ. Какъ! вскричалъ онъ, я вамъ вѣрю такія огромныя суммы, а вы требуете росписку на бездѣлицу. Развѣ мое слово не достаточное поручительство?

— Это въ случаѣ смерти, сказалъ Дидрихъ, въ торговыхъ дѣлахъ нельзя оскорбляться принятымъ порядкомъ. Кромѣ того проценты, что я даю, стали еще выше. Вы мнѣ дали по большей части все обрѣзанные червонцы и множество стертыхъ монетъ, отъ этого я также потерплю убытокъ на нѣсколько талеровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

